

Дону“ (1938, 3—4, стр. 165). Но, почему, например, первый призыв Игоря к дружине, языческий в устах князя, оказывается христианским в устах инока-богатыря Пересвета, который говорит великому князю: „луче бы нам потятым быть нежели полоняным быть от поганых“? Неужели только потому, что в нем добавлено „от поганых“? Этот эпитет, по Мазону, имеет „христианский колорит“ (стр. 178). Однако и Слово неоднократно пользуется таким определением половцев (кстати, неверно, будто в К-Б этой речи нет — стр. 178; переписчик К-Б поместил только весь этот эпизод ниже и притом передал его в вольном пересказе, сохранившем, однако, следы первоначального чтения: „лучши бы есмь сами на свои мечи наверхлися, нежели намъ от поганыхъ положенным пасти“. „Положенным“ явное искажение „полоняным“).

Устранение „христианских“ черт Задонщины в Слове доказывается Мазоном иногда весьма своеобразным способом. Не выделив в Задонщине случайных черт отдельных списков, Мазон делает выводы о методе работы автора Слова, как только он не находит в тексте Слова такой случайной черты. Так, в Синод. списке Задонщины вместо первоначального „А уже диво кличет под саблями татарскими, а тем руским богатырем под ранами“ (= в Слове: „Се Уримъ кричатъ подъ саблями Половецкыми, а Володимиръ подъ ранами“), читаем: „Вжо, брате, диво кличет под шаблею татарскою, а тым богатырем слава и честь и вечная память от бога милость“. Даже если стать на точку зрения Мазона и выводить Слово из Задонщины, то все же в данном эпизоде надо исходить из чтения первого типа (список И 2), а не из варианта Синод. списка. Между тем Мазон, сопоставляя именно с этим далеким вариантом, опять подчеркивает свою излюбленную мысль, будто автор Слова исключал все элементы христианской идеологии, найденные им в Задонщине. Так и здесь он видит отсутствие в Слове „de l'action de grâces très chrétienne“, адресованной в Синод. героям Куликовской битвы (1939, 1—2, стр. 70), и дальше пишет: „Лишний раз, может быть, автор позаботился исключить религиозную черту, и из текста, часть которого отражена в Ист. 1 (по моей терминологии И 2.—В. А.-П.), он выбрал фразу, соответствующую своему вкусу“. Так, совершенно неосновательно в данном случае, подчеркивается „языческая“ тенденция автора Слова. Ведь никак нельзя доказать, что в тексте Задонщины, которым будто бы пользовался в XVIII в. автор Слова, были соединены чтения И 2 и Синод., и этот автор исключил христианский мотив варианта Синод. На самом деле все обстоит гораздо проще: автор Задонщины довольно неумело приспособил к своей теме трудную фразу Слова („Се Урим...“). И сам Мазон вынужден признать, что в данном эпизоде смысл Задонщины „темен“ (стр. 70).

Вообще вопрос о „языческом“ характере Слова и „христианском“ Задонщины решается Мазоном крайне неудовлетворительно прежде всего с точки зрения методологической. Не доказав, что все молитвенные эпизоды, содержащиеся в отдельных списках Задонщины, составляют